

Обаполый

Узконосое, неуверенно застывшее отупленной тяжестью основание цвета песчаника едва заметно в переливающихся красноватых и оранжевых ярких, восходящих к противоположной моему взгляду стороне недлинных жёстких иглах; берётся необыкновенно гладкий медный небольшой пест, и звенящий блеск его ослепляет это честное существо с изумительным постоянством, однако незваное действие не прекращается: оно инерциальным генерализующим началом сливает податливую плоть свою с растекающимся пышным пространством и острым бьющим свечением, и уже ничего не может стать помехой для преворачивания еле оживлённой огрублённой материи: постепенно разжиженное безмолвное содержание песта начинает выходить за бездыханную границу своей изначальной простой формы кверху, отчего существо вовсе не округлило беззащитные очи свои и не замельтешила ловкими раменами: оно приложилось к выливающемуся вверх, и начали после уверенной доброй улыбки уже оскалившегося малопривлекательной реакцией узконосого существа нелинейно шевелящиеся ниточки оставленного кораллового оттенка этой золотистой жирной плоти бестактно прилипать и быстро высасывать содержание слегка отвердевших игл своего испуганного владельца, и уже дрожащие глаза его вскипели кровавым смешением, и почернел булькающий металл до отвратительной бренной неузнаваемости, и откинули его в страшно отстранённую ото всех морскую даль: стоило только оказаться ступе над далёкими видами переливающихся замерзающих размашистых морей, как узконосый снова обрёл дар зрения, при этом, кажется, смотрел он теперь иначе, теперь он будто начал видеть иные вещи, нечто исключительного характера, то, что его близкие ранее не замечали или не могли заметить, и тогда обозлилось оно на свои невиданные резкость и недомыслие, с громким шипящим всплеском густой венозной крови разлив по уже полностью замёрзшему широкому морю длинный шлейф из своего врождённого тёмно-красного наличия: море отдавало всё больше холода находящемуся сверху пространству, и воздух покрывался крепкой светлой сеткой из сковывающих тончайших белёсых стручков; тогда начала растворяться жаркая кровь существа, и оно решило пойти по тёплой тропе своей: существо никогда не было здесь ранее, ибо боялось умереть от холода: теперь же для него более нет опаски заразиться пленом небытия, теперь оно хочет вернуть к жизни то, что ранее погубило, да кончилась в нём жидкость окончательно, и начал узконосый, двигаясь уже на одном только желании безвозмездно завершить своё дело вне страсти выжить, идти в колющих морозных терниях морского сурового леса, и только новое зрение ему помогло найти наименее студёный и травмирующий путь, и дошёл он наконец до небольшого сгустка кипящей меди, и взлетел на

колоссальной длины и великой толщины мощных, не лишённых жирных пульсирующих сосудов кольях, и всё море было поглощено этим ужасным могуществом, и крепкий союз этот образовал страшнейшее в этом мире создание, что осыпалось каждое мгновение рыхлой скорлупой своей, что теперь вездесуща и губительна, и превратились все облака кучевые в гигантские рои позаимствовавших у гигантских насекомых облик крупных существ, что сущность свою изначальную переиначили божественную, и места эти с тех пор раздаются громогласных чистым хохотом обезьяним, и шипение тоскливое там звучит, и продолжает гора эта порождать новую материю для пищи насекомых, для их силы, и уже не в изгнание эти духи, и теперь не духи они вовсе: пронзительный обезьяний хохот продолжает раздаваться повсюду, и в мире более нет уединённого места, где не были бы заметны искры этой неязвительной насмешки.

Меня что-то еле интенсивно щекотало. Недолгая дорога до нашего факультета всегда казалась чем-то прекрасным: жил я достаточно близко, и потому был наделён весьма редкой привилегией не пользоваться транспортом во время перемещения к дверям светоча знаний: многие, если только считать позволительным называть так всю группу без одного только меня, казалось, и не особо заинтересованы не просто в изучаемом материале, но в непосредственно происходящем со всеми вытекающими: скромное пространство факультета, время, которое тратится даже на те же удовольствия между обучением, несколько избыточно горячий воздух, что быстро обволакивает наши едва увлажнённые тела, да и уставшие люди, с которыми необходимо взаимодействовать в ходе этой продолжительной процессии: все эти константные элементы нашего неуверенного существования, думается, они бы с удовольствием редуцировали, если только это входило б в список того, на что им может повлиять самостоятельно: по крайней мере, что не скажется на их тёплом спокойном существовании вне этого пыточного для некоторых учреждения: это, вероятно, сейчас достаточно частая практика, да и не взялся бы я с уверенностью утверждать, будто раньше было иначе, ведь о прекрасии былого обычно говорят только косвенно связанные с ним индивиды; скорее те, кто в рамках одного предприятия был способен сохранить покорное постоянство своего субъекта для других владельцев: впрочем, мысль эта лишь слегка коснулась меня по пути в место, что не является самым желанным или приятным, однако данный период моей нединамично проходящей жизни связан главным образом именно с ним, именно эти виды будут реализовывать себя в попытках уже местами посевшего ослабленного человека вспомнить о годах третьего этапа дотрудовой социализации, если уж мне это вообще придёт на ум: не сказал бы об обезличенности проходящих, но лица их я просто не разглядываю, просто довольно узкий фокус моего восприятия выборочно отделяет образы этих людей от уже часто обломанных или треснувших кирпичиков оловянного оттенка, так смело принимающих на

себя агрессивный топот находящихся подле меня оживлённых людей: я не знаю, какое сейчас время года, и оттого существа вокруг иногда меняют свои облики: бегущий тёмный маленький муравей обрастает иллюзорно развевающейся ледяной дымкой и деликатно исчезает, а лежащий уже третий день мёртвый голубь с хорошо сохранившимися растопыренными крылами и отвердевшими на морозе лапками неожиданно начинает интенсивно гнить: возможно, это всё же не облики их, а необходимость существования при известном окружении: это время для них осевое, и мифоотсутствие обозначило не принципиальное изменение определённого толка: изменение это коснулось всех единиц и их принципов: космос переменялся полностью, и с тем его условная объективность стала осязаться полностью лишённой ригидной истинности; не исключая я и того, что это может быть следствием только визионерского опыта: я не назвал бы себя человеком, в полной мере и красе испытывающим подобные видения, да бытие моё не озадачено присутствием множества собеседников, и оттого галлюцинации изредка возникают предо мною, хоть часто и чрезвычайно размытыми образами, и не могу я именовать это полностью нежелательной процессией: эти виды красочнее тех, что улаживают или нет взоры находящихся рядом, они достаточно безобидны, они помогают мне, и сетовать можно было бы исключительно после некоторого переломного момента, после реализации абсолютно нежелательного явления, после мутационной травмы, после начала окончательного расщепления моей личности: сейчас же я способен мыслить, сейчас я, надеюсь, продолжаю быть тем, кого в случае совершения преступления, отказавшись от принудительного лечения, осудят.

Стены монструозны и пугающи своим величием: эти поверхности, эти завораживающие рельефы способны свести с без того повреждённого ума, и всё это словно целенаправленно удачно игнорируют: непостоянство жизни отвлекло их от созерцания действительно необычного, и потому они слепы: в этих неповторимых неровностях, в этих пузырчатых плотных выбоинах штукатурки можно разглядеть не просто страшную атипическую безбожную прелесть, в этом разнообразии люди могут почерпнуть уникальные сюжеты, желаемые способности, они могли бы из последовательного талантливого человека превратиться в эссенцию неточного, гениального, они бы стали довольными своими творениями, да никто не хочет слегка остановиться на этом притягательном великолепии; я продолжаю свой путь: асоциальность позволяет мне не расточать собственное внимание на бдение за утекающим временем, и подобные торможения только приветствуются: обыкновенно я прихожу примерно за полчаса до начала, и в этом кроется не холерическая привязка к обязательному, хоть я и ни разу пока не прогуливал, в этом обозначается учёт потенциальных неожиданных желаний: теперь я, думается на основании наблюдения за скоростью и формой вовлечения замеченных мною студентов в ведущие к факультету

векторы, опаздываю: время порой протекает с абсолютной невнимательностью к моей рефлексии, и кажущиеся относительно объёмными мысли формируются не просто в количественно значительное время, а в его космический, внепространственный эквивалент, и к тому я, может быть, в каком-то смысле привычен, в каком-то смысле это познание желаемо мною, однако сам я, видимо, к нему не вполне готов: решив остановиться единожды, более ничего не будет заботить меня в том же бытийном мельтешении, что продолжает двигать прилежно выполняющими свои неучтывые к их личностям функции людьми: в мелочности своей бывает иногда и стыдно, однако завершение сейчас своего пути стало бы нежелательным, хотя и не для меня: в любое мгновение человек должен быть готов принять самую мучительную смерть, и невеликие жизненные перемены ни в коем случае не должны страшить действительно существующее: то звучит безбожно для одних, однако подобная практика помогает стать ближе, укротить ту необходимую дистанцию со свойственным по отношению к божественному уважением другим; и не должно это становиться почвой для гордыни, необходимо таким образом не возвышаться над иными, а только приближаться к тому, от чего мы были отдалены, пусть и в иной вертикали, для некоторых сокрытой навеки; уверенно наступающие на зыбкие поверхности ноги издают странный шум, обувь вновь соприкасается с этими шепчущими плотностями, и материалы вокруг продолжают изменять себе, они меняют воплощение и образуют жизнь из ничего, и загадочный для многих источник оной мог быть раскрыт ими всего лишь неотёсанным углублением, да не хочет из них никто, видимо, найти эту жизнь по-настоящему: я же в этом просто не нашёл отклик собственного интереса.

Открывшаяся тяжеловесная высокая железная дверь церковного облика при соприкосновении со мною возбудила внутри некоторое неестественное произвольное содрогание, и отдёрнулся я, ощутив даже в своём искажённом восприятии отсутствие каких-либо возможных раздражителей, это произошло чистым наваждением, чем-то, что воспалилось исключительно внутри сокрытой плоти ума, и ещё несколько секунд после этого я действительно удивлёнными глазами рассматривал массивную тёплую ручку: то было похоже на ощущения при состыковке горячего и холодного, когда ты чувствуешь близость того самого долгожданного треска, фатального распада, однако ничего не происходит, и ты только отшатываешься от очертания в своей голове, ты только отказываешься внимать размытой плёнкой бреда реальности.

Занятия завершились крайне быстро: я так и не успел осмыслить произошедшее возле входа, зато переданную преподавателями информацию весьма подробно запомнил; сейчас, находясь в опустевшей после занятия светлой аудитории средних размеров и увлечшись всё ещё переменчивыми видами из окна, я в несложной игре слов внутри своего сознания

неторопливо их прорабатываю, эти мысли были для меня очень ценны, однако важнее стал вспалившийся во мне интерес к объекту исследований. Меня опять щекочит. Странно, но время от времени появляется впечатление, словно моё углубление в феномен сигнализирует об абсолютном отсутствии заинтересованности в нём, будто мучительное нежелание взаимодействовать с данностью в интеллектуальном разрезе перевоплотилось в безрассудную готовность познать всякое, и идея такая обмирщает мою смелость и честность некой психической подоплёкой имплицитной вымученности, однако противопоставить мне особо нечего: некогда за вялыми потемневшими веками я не мог заставить себя выполнить простейшую задачу: теперь для меня утруждающего почти не существует, по крайней мере, не в эмпирическом плане: в действительности, кажется, меня ничего не интересует первородным образом, и потому я готов распылить своё внимание на всё подряд, и сокрушительную нерасторопность осязания своих чувств к человеку вызывает то, что это один из основных сейчас способов соприкосновения с прекрасным и честным: приходится оглядываться на редкие подобию себе только в форме едва сохранившегося смрадного трупа, лишённого за заветренными и обломавшимися костями настоящего энтузиазма, и, может, появится в этом земном нечто хорошее с приходом жизни, того ревностного наполнения этих облупившихся слоёв плоти, однако до того я, думается, уже не доживу: последовательный созидатель будет рождён, но я им не являюсь, я никогда не смогу им стать; я захотел есть. Уже чувствуя слабость от обиженного невниманием к необходимости поддерживать его материей извне тела, одурманенный недостатком организм медленно передвигает нас к невысокой хрупкой двери телесного цвета, однако случайно лёгшая на её ручку холодная побледневшая ладонь не добила должного скромного результата, и с тем я особенно взбодрился: оказывается, меня заперли снаружи: не знаю, было ли это издевательской шуткой или робкой случайностью, но настоящее предстаёт таким образом: дверь я открыть не смогу, а средств связи у меня здесь, как и иных путей отхода, нет: остаётся только истерически стучать и жалобно кричать, выть или петь: не знаю, что возымеет больший эффект, большую реакцию со стороны улетучившегося храмового призрака. Интенциональное зло по своей психической сути не существует, ведь никто не имеет в качестве мотивировки само зло; за частными случаями, когда это выступает только в форме логотипической абстракции, его сущностное естество ещё даже не в зачаточном состоянии: самому человеку зло противно, и то обличает скорее его скрывающуюся природу.

Я немного поднялся на находящейся в аудитории по какой-то нелепой случайности уже не первый месяц высокой деревянной приставной лестнице, что уже в начале моего восхождения несколько раз серьёзно пошатнулась и дерзновенно взвила мои неуверенные тела: я продолжил медленно взбираться, и каждый глуховатый короткий скрип обозначался

всё более сильным соскальзыванием от изначальной позиции хлипкой нижней части инструмента: мне осталось преодолеть только две секции сточившихся из причин долгой эксплуатации опорных балок, только одну ещё весьма толстую ступень, однако сейчас я уже ни за что не держусь, и мои коснувшиеся потолка расслабленные мягкие пальцы тотчас же отлипли от него, поведя меня, в отличие от падающей вбок лестницы, назад, немного согнув слегка искривлённый позвоночник и опрокинув уставшую шею; я хочу есть: меня снова щекочут.

Во время падения рядом прыгал небольшой бескрылый фифик: он не обрёл дефект посредством травмы, он с рождения был лишён весьма необязательного атрибута, и стоило мне понять это, как он резво попрыгал в другой конец аудитории: он быстро повернулся в мою сторону, и клюв его матовый стал зеленеть: вскоре весь мой взор был деформирован всепоглощающим цветом Красного моря: углубина, с отвращением взглянув на мою раненую форму, всё же утаилась от меня. Меня везут. Мне делают операцию. Я вижу всё, но ничего не чувствую, и вдруг перекастистый шум начал приближаться ко мне, столь замылено ощущающему неприветливое пространство, хотя даже примитивной реакции на событийность от меня не требовалось: теперь сирены рядом со мною, дружелюбным взглядом они подмечают жалобные искажения моего лица: казалось, я потерял последнюю скрытую человеческую утончённость: вероятно, утомлённые хирурги сами поражены моим обликом, но всё же обязаны прооперировать это неказистое постороннее существо, что уже ничему не принадлежит: улыбка моя раздаётся сероватыми миазмами в воздухе, и я, провалившись в то место, откуда изредка доносились тихие отзвуки моего страдания, сладострастно засыпаю.

Возле меня что-то очень громко и мощно пульсирует: после нескольких минут болезненно вздыхающее окружающей плотностью сознание пришло в относительную норму, я заново научился ощущать пространство и понял: пульсирует именно часть меня: эта часть стягивает в этапы надувания почти всю хрупкую кожу моего неподготовленного тела. Я хочу на учёбу: здесь холодно, но я рад тому, что выжил. Я рад, что почти поднялся на ту лестницу: позже нужно будет это повторить. Я, разглядывая в белой, лишённой любого естественного запаха подушке крошечные частые швы и появившиеся ещё ранее пятнышки, иду на поправку: это место мне нравится, и факт конечности пребывания здесь даже немного печалит. Пульсирующее нечто уже более деликатно, теперь оно пульсирует немного реже, а кожа обогатилась толстыми складками, и новые импульсы не приносят более значительный дискомфорт. Постепенно тело меняется, но за временем я всё ещё не успеваю: уже тяжело сказать, сколько дней или месяцев я здесь нахожусь, зато проносятся часы с приятной монотонностью, что схожа со сном или неторопливой прогулкой, которую аккуратно дополняют добрые нежные видения и нечастые, проходящие мимо меня кошмары.

Голова моя больше человеческой в три раза и похожа скорее на сплюснутый сверху плотный лик ящерицы с пронзающим телесным отблеском прохладной гладкой толстой оболочки: глаз я был лишен, а большой мой рот аметистового цвета раскрыт всегда приблизительно на девяносто градусов, и в нем тоже нельзя увидеть чего-либо вне абсолютной, проглядывающей только изнутри сущностного осязания тьмы; через годы сияющая голова моя увеличилась до размеров крупного города, и отсохшие маломощные ноги, в отличие от могучих рук, более вовсе не видны, и обрамлён я теперь вздрагивающими в полёте моём смертном крылами цвета красного дерева безвозвратно, и голова моя больше человеческой в три раза, и грубый щёкот наконец прекратился случайным женем внетелесного пребывания.